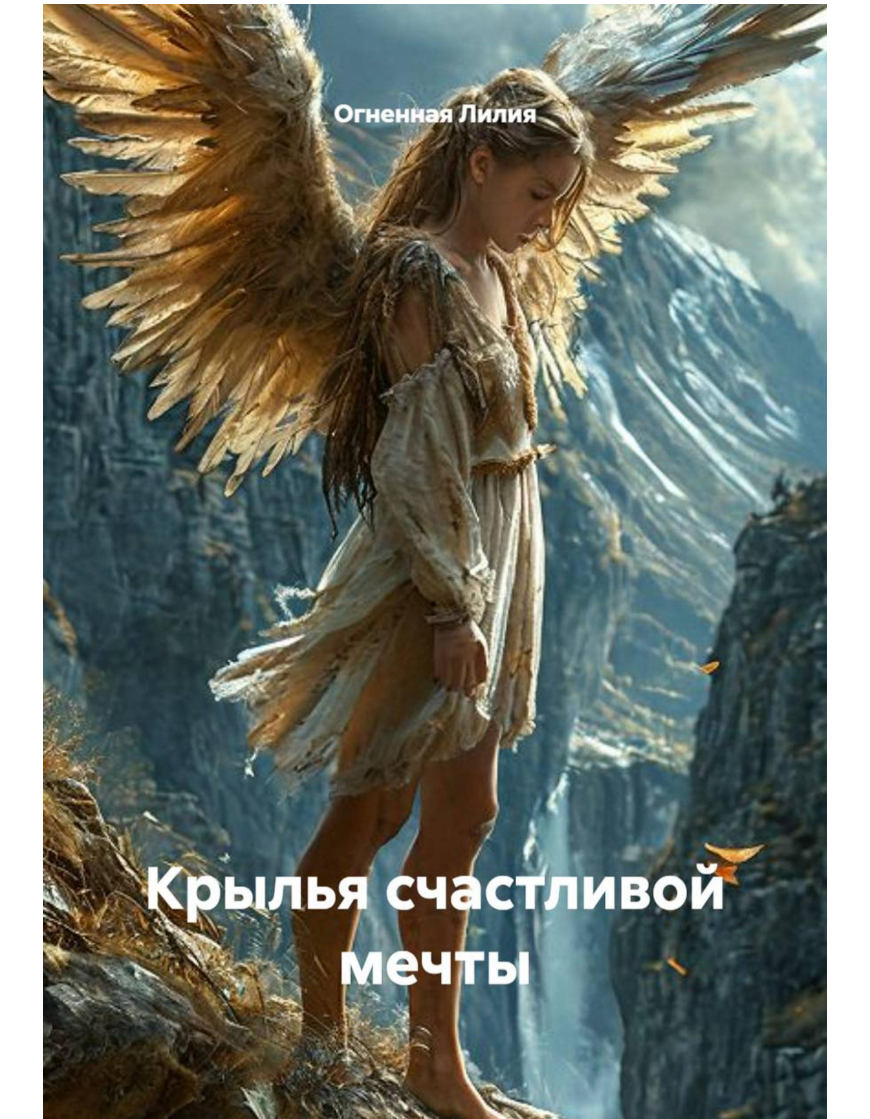

Огненная Лилия

Крылья счастливой
мечты

Огненная Лилия

Крылья счастливой мечты

<https://litres.ru/74271322>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где все рождаются с крыльями, героиня – калека: её крылья не раскрылись никогда. Она падала трижды: в детстве её поймал незнакомец, в академии она безуспешно пыталась пробудить инстинкт, а влюбившись, услышала, что «тяжёлая душой». Найдя таинственный медальон, она увидела видение и голос, пообещавший, что крылья спрятаны от страха. Но третий раз – смерть матери и падение с переломом позвоночника – заставил её усомниться в мечтах. Однако финальная фраза оставляет надежду.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Клетка для птицы.	8
Гл	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Огненная Лилия

Крылья счастливой мечты

Пролог

Падение без крыльев

Никто не помнит, как начал падать. Это знание уходит раньше, чем первый крик. Но я помню. Потому что я падала трижды. И дважды меня ловили.

Первый раз — когда мне было пять лет. Тогда у меня ещё были крылья. Маленькие, белые, пушистые, как у птенца чайки. Я не умела ими толком махать, но однажды на рассвете я просто выпрыгнула из окна нашей башни — седьмой этаж. Не потому что хотела умереть. Потому что увидела облако, похожее на кролика, и решила, что это мой друг. Дети в нашем мире не падают — они планируют. Крылья раскрываются инстинктивно, даже у младенцев. Но мои... не раскрылись. Я помню, как ветер резал глаза, как мамин крик разрывал утро, как земля приближалась слишком быстро. И вдруг — стоп. Меня поймал мужчина с татуировкой в виде компаса на шее. Я не запомнила его лица. Запомнила запах: дым, мята, старое железо. Он поставил меня на землю, погладил по голове и сказал: *«Ты ещё не готова. Но когда-нибудь твои крылья вырастут такими, что закроют всё небо»*.

Он соврал.

Второй раз — в одиннадцать. В день, когда мама увезла меня в Академию Пустых Небес. Я тогда ещё верила, что крылья можно натренировать, как мышцы. Что если каждый день бегать, прыгать, падать снова и снова — то однажды что-то щёлкнет в спине, и ты взлетишь. В академии была специальная яма — «Гнездо падших». Глубиной двадцать метров, дно устлано мягкими перинами. Нас, слабых, заставляли прыгать оттуда без крыльев — чтобы «пробудить инстинкт». Я прыгнула сто тридцать семь раз за два года. Мои крылья не проснулись. Зато проснулась боль в позвоночнике, которую врачи называли «синдром мёртвого ангела». В моем спинном мозге не было нервных окончаний, отвечающих за крылья. Это как родиться без пальца. Только хуже. Потому что в мире, где все летают, ты — калека.

Но я не плакала. Я придумала игру. Я говорила себе: «Если я не могу летать, значит, я увижу то, что не видят летуны. Они смотрят в небо, а я буду смотреть в землю. Я найду что-то ценное там, куда они никогда не смотрят». Это помогало ровно до четырнадцати лет. Пока я не влюбилась.

Его звали Корвин. Он был старше на два курса, и его крылья сияли чёрным золотом — редкость даже по меркам академии. Он любил летать на закате, и я каждый день приходила на крышу обсерватории, чтобы смотреть, как он чертит дуги в розовом небе. Однажды он заметил меня. Спустился. Улыбнулся. Спросил: *«Почему ты никогда не летаешь?»* Я

ответила правду. Он посмотрел на мою спину, потом мне в глаза и сказал: *«Это неважно. Я буду летать за нас двоих».*

Я поверила. Потому что мне было четырнадцать, и я не знала, что слова — самые лёгкие крылья в мире. Они ничего не весят. Их не видно. И они никогда не поднимут тебя выше, чем на высоту чужой жалости.

Через три месяца он ушёл к девушке с идеальными серебряными крыльями. На прощание он сказал: *«Ты просто... тяжёлая. Не физически. Душой. С тобой невозможно летать. Ты как камень в кармане».*

Той ночью я впервые не пришла на крышу. Вместо этого я пошла в подвал академии — в хранилище «сломанных артефактов». Там пылились вещи, которые считали бесполезными: зеркала без отражений, колокольчики без звука, карты без дорог. И там я нашла его — маленький медальон в виде запертой клетки. Внутри не было птицы. Было только одно пёрышко, серое, как пепел. Я взяла его в руки, и медальон открылся. Пёрышко вонзилось мне в палец — капля крови — и вдруг я увидела.

Небо. Не наше. Чужое. Там не было звёзд — только янтарные глаза. Чьи-то огромные, тёплые, как мёд, глаза смотрели на меня сквозь тьму. И голос, низкий, хриплый, как если бы человек не говорил тысячу лет, прошептал: *«Ты не потеряла крылья. Ты их спрятала. От страха. От боли. Но я приду. И ты вспомнишь, как падать вверх».*

Видение исчезло. Я зажала медальон в кулаке и поклялась

себе: *«Я найду того, кто это сказал. Или сойду с ума. Либо то, либо другое».*

Третий раз я падала в день, когда умерла мама. Но это уже не пролог. Это первая глава. И в ней не будет мягких перин и чужих рук. Потому что в тот день, когда маму сбросили с башни, меня никто не ловил. Я упала на землю и сломала позвоночник в трёх местах. И когда я лежала в грязи, глядя в небо, откуда всё ещё сыпались белые перья, я поняла: мечты не спасают. Мечты — это роскошь для тех, у кого есть крылья. А у меня их не было. И никогда не будет.

Или я так думала.

Часть 1. Клетка для птицы.

Глава 1. День когда я перестала мечтать

Меня зовут Лисса Вираго. Мне семнадцать лет. Я живу в городе, где все здания построены так, чтобы с них можно было взлететь. Плоские крыши, открытые террасы, причалы для воздушных потоков. Даже мусорные баки здесь снабжены амортизаторами — мало ли, в них упадёт пьяный курьер с перепончатыми крыльями. Архитектура нашего мира не знает слова «лестница». Точнее, знает, но использует только для «бескрылых» — так официально называют нас, калек. Мы — статистическая погрешность. 0,3% населения. Нас можно не замечать, как трещины на асфальте.

После падения с башни я провела в больнице шесть недель. Маму похоронили без меня. Когда я вышла, моя комната в общежитии академии была пуста — её отдали другой. Мои вещи сожгли по правилу «чистоты гнезда»: если студент не вернулся через месяц, он считается мёртвым. Я была жива, но система уже поставила на мне штамп «списана».

Я пошла к декану. Высокий мужчина с крыльями альбатроса, белыми, но в жёлтых пятнах — возраст. Он посмотрел на мою справку о переломе позвоночника, на отметку «бескрылая с рождения» и сказал: «Лисса, ты хорошая ученица. По теоретическим дисциплинам — лучшая на потоке. Но академия не может держать студента, который... ну...

не может подняться на второй этаж без лифта. Это же Академия Пустых Небес. Понимаешь? Не Академия пустых надежд». Он засмеялся собственной шутке. Я не засмеялась.

— У меня есть медальон, — сказала я. — Артефакт. Он показал мне... кое-что. Возможно, мои крылья можно пробудить.

Декан нахмурился. «Ты про то пёрышко в подвале? Это хлам. Школьная легенда. Каждый год какая-нибудь отчаявшаяся бескрылая девчонка приходит с этим бредом. Лисса, не усложняй. Мы дадим тебе направление в колонию для бескрылых в Южной долине. Там тебя научат полезным ремеслам: шить, готовить, ухаживать за детьми. Ты нужна этому миру. Просто не как летунья, а как... опора. Без тебя не обойтись». Он улыбнулся той улыбкой, которой взрослые успокаивают детей, потерявших игрушку.

Я взяла направление. Сказала «спасибо». Вышла в коридор, спустилась по лестнице (шесть пролётов, потому что лифт только для преподавателей с тяжелыми сумками), вышла во двор и села на скамейку под деревом с золотыми листьями — единственным растением в академии, которое не требовало солнечного света. Оно росло в тени, внизу, у самого забора.

Я развернула бумагу. «Колония для бескрылых. Южная долина. Срок пребывания: пожизненно. Условия: хорошие. Работа: неквалифицированная. Контакты с внешним миром: ограничены».

Пожизненно. В семнадцать лет. Не тюрьма, но клетка. Красивая, уютная клетка с вязанием и супом на обед. Клетка, в которой нет неба, нет ветра, нет полёта. И нет его — того, с янтарными глазами.

Я достала из кармана медальон. Клетка с серым пёрышком. За три месяца, прошедших с момента видения, я носила его всегда. Иногда, по ночам, мне казалось, что пёрышко светится — слабо, едва заметно, как уголёк под пеплом. Но когда я включала свет, свечение исчезало. Я думала, это галлюцинации. Последствие удара головой.

— Эй, ты чья? — раздалось сзади.

Я обернулась. На меня смотрел парень. Моих лет. Крылья у него были... странные. Не белые, не чёрные, не серебряные, а прозрачные, как стрекозиные, с голубоватым отливом. Он держал в руке дымящуюся кружку и жевал пончик.

— Лисса, — сказала я. — А ты кто?

— А я тот, кто спрашивает. Ты чья? В смысле, на каком факультете? Я тебя не помню.

— Ни на каком, — сказала я. — Меня отчислили. Я теперь колонистка.

Парень присвистнул. «Круто. А я думал, мне хреново. Меня перевели на факультет коррекции полёта. Это значит, что у меня асимметрия крыльев, и каждый день я должен махать левым на три раза больше, чем правым, чтобы компенсировать. Представляешь, какая скука?»

— Представляю, — сказала я без улыбки.

Он сел рядом. Запах пончика и корицы перебил больничный запах, который всё ещё, казалось, прилип к моей одежде. «Лисса, а хочешь по-настоящему крутую штуку увидеть? Я нашёл в библиотеке карту. Не карту — так, набросок. Там отмечено место, где, говорят, растут крылья. Ну, у бескрылых. Тех, кто родился без них. Типа, если пойти туда и что-то сделать, то вырастают новые. Не как у всех, а лучше. Сильнее. Тёмные ходили? Не знаю. Но это легенда. Хочешь сходить?»

Я посмотрела на его прозрачные крылья. На пончик. На дымящуюся кружку (там был чай с молоком, я учуяла). И сказала:

— Нет.

Парень удивился. «Почему? Ты же бескрылая. Неужели не хочешь летать?»

Хочу ли я летать? Вопрос, который мне задавали сотни раз. Сначала я отвечала «да». Потом «не знаю». Потом молчала. А сейчас, после маминой смерти, после больницы, после разговора с деканом, после пожизненной колонии, я поняла, какой ответ правильный.

— Нет, — повторила я. — Не хочу. Потому что мечты — это якорь. Они тянут на дно. Я лучше буду жить без крыльев, чем всю жизнь гоняться за тем, чего у меня никогда не будет.

Парень замолчал. Дожевал пончик. Встал. «Жаль. Потому что я всё равно туда пойду. И карту я нашёл не для тебя. А для себя. Просто подумал, что компания не помешала бы.

Ну, бывай, колонистка».

Он расправил прозрачные крылья и взлетел. Не красиво, не грациозно — как-то боком, с креном влево. Асимметрия. Его левое крыло заметно отставало, и он кружил, как подбитая стрекоза, пока не выровнялся и не скрылся за крышей.

Я осталась одна. Под деревом с золотыми листьями. С бумагой в руке. С медальоном на груди. И вдруг, впервые за три месяца, я заплакала. Не от боли, не от жалости. А от того, что я соврала. Я очень хотела летать. Я хотела этого так сильно, что каждую ночь, когда засыпала в больничной палате, я подтягивала колени к груди и шептала в темноту: «Пожалуйста, кто-нибудь, дайте мне крылья. Я отдам всё. Сны. Воспоминания. Сердце. Только дайте мне подняться».

Никто не ответил. Ни тогда. Ни сейчас.

Я сложила направление в колонию вчетверо, сунула в карман и пошла к выходу из академии. Последний раз я оглянулась на главное здание — серую громаду с тысячами окон, из которых каждую секунду вылетали и залетали студенты. Они смеялись. Они кричали. Они жили. Им не нужно было думать о том, как спуститься с лестницы, не сломав шею.

— Прощай, — сказала я академии. — Ты никогда не была моим домом.

На воротах меня остановил охранник. Старик с одним крылом — второе ампутировали после крушения. Он посмотрел на мою бумажку, вздохнул, поставил штамп «ВЫ-БЫЛА» на лоб... шучу, на бумажку.

«Береги себя, девонька, — сказал он. — В Южной долине зимы холодные. Я там служил молодым. Бери шерстяные носки, поняла? Не стесняйся. Бескрылые часто мёрзнут. У них кровь медленнее течёт без нагрузки на спину».

Я кивнула. Взяла бумажку. Шагнула за ворота.

И сделала первый шаг в сторону, где не было академии, не было парня с пончиками, не было янтарных глаз. Только пустая дорога и далёкий дымок над трубой колонии.

Я не знала тогда, что через час сверну не туда. Что заблужусь в лесу. Что упаду в овраг, порву штаны и потеряю медальон. А когда найду его — он будет открыт, пёрышко исчезло, а на внутренней стороне крышки появится надпись: *«Ты сказала, что не хочешь мечтать. Но мечта уже выбрала тебя. Жди. Я близко»*.

Я не знала, что эта надпись — приговор. Или помилование. Или то и другое одновременно. Потому что спустя ровно двадцать три минуты после того, как я прочитала эти слова, небо над лесом разорвал чёрный корабль, не похожий ни на один летательный аппарат в нашем мире. Из него выпрыгнул человек без крыльев. Без крыльев, Карл! В мире, где всё летает. Он упал прямо передо мной, встал, отряхнулся и сказал: *«Лисса Вираго? Я посланник Альтера. У нас к вам предложение. Вы не против, если мы украдём вашу жизнь? Не всю. Только ту её часть, которая называется „бесполезное ожидание чуда“»*.

Я хотела ответить. Но в этот момент у меня на спине, там,

где когда-то давно умерли нервные окончания, вспыхнула боль. Такая, будто кто-то рождает крылья заново. Из костей. Из крови. Из сломанной мечты.

И я закричала.

Это был первый день, когда я перестала мечтать. И первый день, когда мечта перестала спрашивать моего разрешения.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.